
УДК 332.1(470):332.05(470)
ББК 65.9(2Рос)

Регион: экономика и социология, 2013, № 2 (78), с.48–65

ИДЕНТИФИКАЦИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ С ПОЗИЦИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ

С.А. Кириллова, О.Г. Кантор

*Институт социально-экономических исследований Уфимского
научного центра РАН*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 12-32-06001)*

Аннотация

Предложен методический инструментарий построения комплексных показателей региональной эффективности как индикаторов развития, агрегирующих ее ресурсную, процессную и результативную составляющие в разрезе основных подсистем региональной социо-эколого-экономической системы. Выполнены многомерная оценка пространственной неоднородности развития российских регионов в 2000–2010 гг. по параметрам региональной эффективности и сравнительный анализ пространственной дифференциации ее составляющих. Установлено на примере ресурсоориентированных регионов российской Арктики, что высокие показатели экономической составляющей региональной эффективности не адекватны социально-экологическим результатам функционирования регионов.

Ключевые слова: регион, пространственная дифференциация, развитие, эффективность, арктические регионы, нормализация критериев, метрический анализ

Abstract

The paper offers the methodical tools for building a set of complex indicators of regional efficiency which reflect the resource, processing, and resulting components of major subsystems of a regional socio-economic system. We present our multidimensional assessment of the spatial heterogeneity observed for the Russian regions in 2000–2010 in the terms of the parameters of regional efficiency, and also a comparative analysis of spatial differentiation. Having analyzed the data concerning the resource-oriented regions in the Russian Arctic, we can state that high values of an economic component in their regional efficiency do not adequately reflect the actual socio-economic results.

Keywords: region, spatial differentiation, development, efficiency, Arctic regions, criteria weights normalization, metric analysis

Исторически сложилась пространственная неоднородность регионов России. Различные возможности российских регионов в плане адаптации к рыночным условиям, ослабление регулирующей роли государства способствовали усилению пространственной дифференциации. Неоднородность экономического пространства оказывает прямое воздействие на институциональные преобразования, качество экономического роста, социальную политику. В связи с этим анализ уровня и характера динамики пространственной дифференциации имеет важное значение для оперативного учета его результатов при формировании пространственной (регионально дифференцированной) стратегии демо-социально-экономического развития страны [1], для обоснованного выбора того или иного инструмента социально-экономической политики.

Исследованию вопросов трансформации пространственной структуры экономики России посвящено много работ (см., например, [2–5]). Проблемы комплексной оценки перспективной пространственной структуры экономики исследуются в работах С.А. Суспицына [6–8]. Что касается практической реализации имеющихся теоретических наработок, то следует отметить мониторинг региональных ситуаций, осуществляемый в соответствии с Указом Президента РФ [9], а также мониторинг социально-экономического развития России в разрезе федеральных округов и субъектов Федерации, выполняемый

Минэкономразвития России в целях прогноза социально-экономического развития страны.

Несмотря на значительное количество теоретических и методических разработок в области диагностики региональных ситуаций, пространственной структуры экономики, до сих пор отсутствует единый алгоритм оценки уровня социально-экономического развития, который был бы утвержден на федеральном уровне и применялся в рамках системы регионального и национального мониторинга. Следует отметить, что данные официальной статистики, характеризующие социально-экономическое развитие регионов, не должны вводить в заблуждение, поскольку положительная динамика абсолютных значений таких характеристик может не совпадать с количественной оценкой продуктивности использования различных видов региональных ресурсов. Известно, что уровень развития национальной экономики определяется эффективностью использования национального богатства. В этой связи для повышения объективности оценки пространственной неоднородности регионального развития представляется целесообразным использовать в анализе не отдельные показатели, характеризующие различные срезы функционирования составных частей макросистемы и региональных систем, а параметры региональной эффективности как количественную оценку продуктивности реализации имеющихся возможностей элементов региональных систем также и на различных стадиях воспроизводственного процесса. В этом случае уровень региональной эффективности будет соответствовать уровню развития территории.

С учетом того, что регионы являются сложными социо-эколого-экономическими системами, включающими в себя сферы не только материального производства, но также социо- и природоформирующие, комплексная оценка региональной эффективности должна включать как оценку результативности использования локализованного на территории региона ресурсно-производственного капитала, так и оценку конечных результатов экономической деятельности, проявляющихся в развитии других элементов региональной системы – социального и природного капиталов, рассматриваемых с позиций улучшения конечных результатов воспроизводственного процесса.

В настоящее время разработано значительное количество подходов к оценке эффективности систем различного уровня (см., например, [6, 10–13]). Этим подходам присущи и определенные достоинства, и различные методические недостатки, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы. По нашему мнению, оценку региональной эффективности целесообразно выполнить с использованием трехмерной концепции эффективности [14], в рамках которой осуществляется комплексный учет составляющих региональной эффективности, включающий оценку

- ресурсной эффективности, т.е. эффективности использования разнообразных видов региональных ресурсов, обеспечивающих возможность экономического роста, повышения уровня жизни и качества окружающей среды;
- процессной эффективности, характеризующей интенсивность происходящих процессов;
- результативной эффективности, указывающей на степень достижения стратегических целей развития.

Если ресурсная составляющая региональной эффективности, включающая набор ключевых элементов развития, является базой, обеспечивающей собственно возможность функционирования и развития регионов, то процессная являет собой важное условие регионального развития, характеризуя степень интенсивности использования ресурсов. Совместно эти составляющие формируют условия для достижения целей регионального развития, определяя значение результативной эффективности. В этом случае проблема заключается лишь в выборе системы показателей, которые могут служить количественными характеристиками всей совокупности задействованных региональных ресурсов, интенсивности их использования и конечных результатов развития.

Систему элементов ресурсной составляющей формирует набор ключевых элементов развития – трудовых, фондовых, финансовых и природных ресурсов, дополненный человеческим капиталом, рассматриваемым на этапе постиндустриального развития как особенно важный элемент. Тогда эффективность ресурсной составляющей мо-

жет быть определена как соотношение между объемами выпуска различных видов ресурсов и размерами произведенных при этом затрат в разрезе экономической, социальной и экологической систем региона, эффективность процессной составляющей – на основе расчета динамических характеристик ресурсной эффективности, а результативная эффективность, в свою очередь, базируется на выборе и расчете показателя, отражающего, с учетом социо-эколого-экономических потребностей населения, степень достижения регионом целей развития, в числе которых могут рассматриваться повышение уровня и качества жизни, включая качество окружающей среды, и обеспечение устойчивого экономического роста. С позиций принципов системы национального счетоводства для определения конечного результата развития региона могут быть использованы показатели, содержащие в качестве базового элемента валовую добавленную стоимость.

Таким образом, комплексная оценка региональной эффективности должна основываться на поэтапном агрегировании множества показателей ресурсной, процессной и результативной эффективности в едином показателе, характеризующем их совокупную величину. При этом система показателей, формируемая для получения сводной оценки, может иметь сколько угодно большую размерность. Однако включение в расчет значительного количества показателей ведет к «размытию» конечной оценки. Для оценки пространственной неоднородности развития по параметрам региональной эффективности нами была сформирована система показателей, сконструированных преимущественно в формате «результаты – затраты», сгруппированных по направлениям оценки и сферам региональной социо-эколого-экономической системы региона и, в конечном итоге, характеризующих продуктивность использования имеющихся возможностей социо-эколого-экономической системы региона, интенсивность их использования во времени и степень достижения стратегических целей развития.

1. Показатели эффективности ресурсов:

экономическая сфера: производительность труда, тыс. руб./чел.; капиталоотдача, руб./руб.; фондоотдача, руб./руб.; доля валового накопления основного капитала в ВРП, %; отношение объема инноваци-

онных товаров (работ, услуг) к затратам на технологические инновации, руб./руб.;

социальная сфера: демография – отношение числа родившихся к числу умерших, %; коэффициент миграционного прироста, чел.; отношение естественного прироста населения к сумме расходов консолидированного бюджета субъекта РФ на здравоохранение и социальную политику, чел./тыс. руб.; *здравоохранение* – обеспеченность населения врачами и средним медицинским персоналом на 10 тыс. чел. населения, чел.; отношение численности незаболевших к количеству врачебных учреждений, чел./ед.; отношение численности незаболевших к численности врачей и среднего медицинского персонала, чел./чел.; отношение численности незаболевших к расходам консолидированного бюджета субъекта РФ на здравоохранение, чел./тыс. руб.; отношение численности незаболевших к инвестициям в основной капитал по виду деятельности «здравоохранение», чел./тыс. руб.; *образование* – отношение выпуска специалистов средними специальными учебными заведениями к расходам консолидированного бюджета субъекта РФ на общее образование, тыс. чел./тыс. руб.; отношение выпуска специалистов средними специальными учебными заведениями к объему инвестиций в основной капитал по виду деятельности «образование», тыс. чел./тыс. руб.; *культура* – отношение общей численности пользователей общедоступных библиотек, зрителей театров, населения, участвующего в культурно-досуговых мероприятиях, проводимых государственными (муниципальными) организациями культуры, и в работе любительских объединений, к объему расходов консолидированного бюджета субъекта РФ на культуру, тыс. чел./млн руб.; отношение числа зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения к расходам консолидированного бюджета субъекта РФ на правоохранительную деятельность, всего, ед./тыс. руб.; *уровень жизни* – доля фактического конечного потребления домашних хозяйств в ВРП, %; фактическое конечное потребление домашних хозяйств на численность занятых экономике, тыс. руб./чел.; фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения, тыс. руб./чел.; инверсный показатель уровня безработицы; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м; число собственных автомобилей на 1000 чел. население

ния, ед.; объем платных услуг на душу населения, руб./чел.; оборот розничной торговли на душу населения, руб./чел.;

сфера экологии: доля уловленных загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух; доля оборотной и последовательно используемой воды в общем объеме использования свежей воды.

2. Показатели эффективности процесса: отношение темпов вышеуказанных соотношений результаты – затраты.

3. Показатели эффективности результата:

экономическая сфера: объем ВРП на душу населения, тыс. руб./чел.;
социальная сфера: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; заболеваемость населения по всем классам болезней на 1000 чел. населения, чел.; доля занятого населения с высшим и средним профессиональным образованием в общей численности населения; доля общего количества пользователей общедоступных библиотек и зрителей театров в общей численности населения; доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
сфера экологии: отношение ВРП к общему объему выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. руб./т; отношение ВРП к объему сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, тыс. руб./куб. м.

Агрегирование перечисленных показателей в единый (комплексный) показатель может осуществляться в рамках использования как формализованных, так и неформализованных (логических) методов. С учетом предыдущих исследований для нивелирования разноразмерности и разнонаправленности показателей, формирующих комплексную оценку региональной эффективности, представляется целесообразным агрегирование на основе применения процедур нормализации критериев и метрического анализа – аналога метода расстояний для случая, когда исследуемые объекты характеризуются данными неодинаковой структуры и различной глубиной динамики [15].

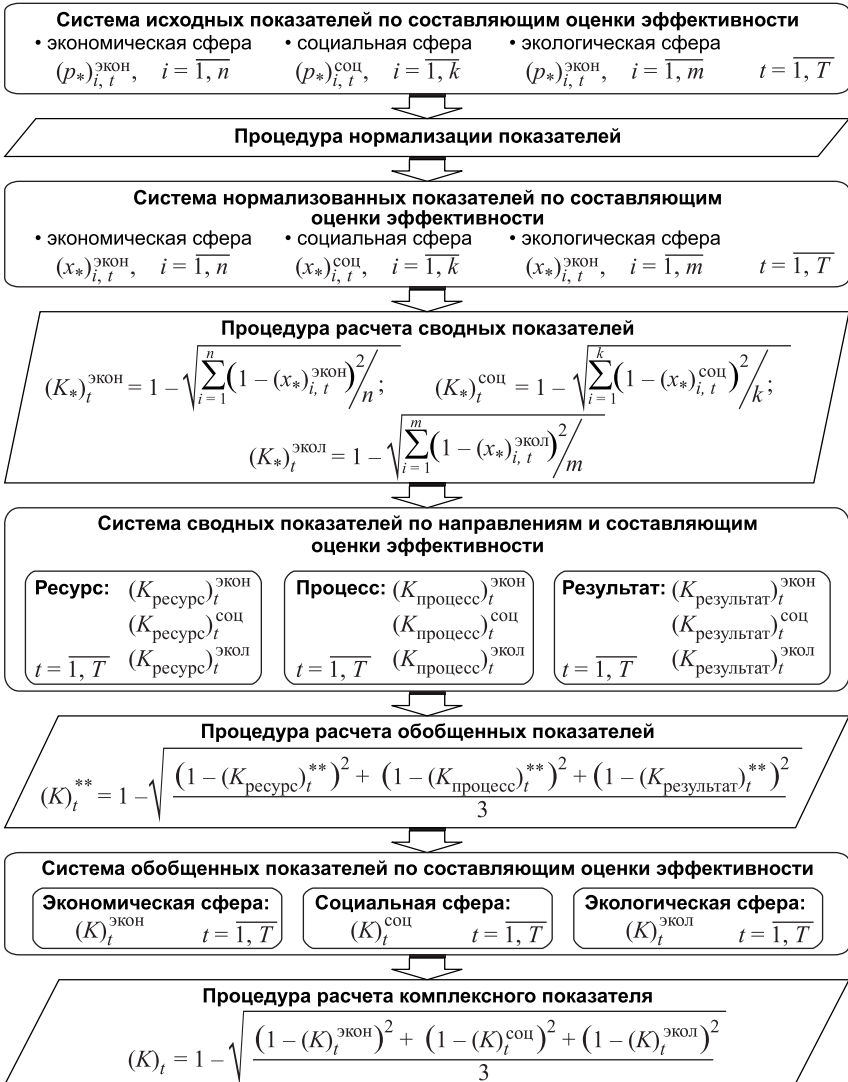
Применение указанных подходов позволяет осуществить в рамках каждого временного периода поэтапную свертку анализируемых показателей сначала в сводные показатели по составляющим оцен-

ки и направлениям (ресурсное, процессное, результативное), затем в обобщенные показатели по составляющим региональной эффективности и наконец в комплексный показатель региональной эффективности (рис. 1). Согласно описанному выше подходу, значения всех агрегированных показателей находятся в диапазоне от 0 до 1, и чем ближе к 1, тем выше оценка эффективности.

Предложенный инструментарий был апробирован на информационных массивах по регионам России за 2000–2010 гг. По каждому региону были получены обобщенные оценки ресурсной, процессной и результативной эффективности в разрезе экономической, социальной и экологической систем (рис. 2–4; на этих рисунках и на рис. 5 особо выделены арктические регионы).

На рисунках 2–4 отражены упорядоченные по убыванию панели сводных значений экономической, социальной и экологической составляющих региональной эффективности по «реперным» годам – годам начала и конца исследуемого периода, а также по годам падения ресурсной эффективности (как составляющей региональной эффективности, наиболее оперативно реагирующей на различного рода воздействия на региональные системы) по всей совокупности российских регионов в 2004 г. (завершение приватизации государственной собственности 1993–2003 гг.) и 2008 г. (глобальный финансово-экономический кризис).

Особое место в анализе было отведено регионам российской Арктики, что связано в первую очередь с уникальностью мегарегиона, обусловленной множеством важных факторов географического, геополитического и геоэкономического характера, а также его значимостью с точки зрения ресурсного потенциала. В этой связи предпринятое исследование, на наш взгляд, позволит определить набор факторов, как способствующих достижению арктическими регионами стратегических приоритетов экономического возрождения России, так и ограничивающих их возможности в этом плане. В частности, в результате предыдущих исследований было установлено, что сложившиеся в Арктике уровень и качество жизни не соответствуют ее богатейшему природному потенциалу и уникальному сочетанию ключевых преимуществ геоэкономического и геополитического характера, не компенсируют северянам воздействие суровых природно-климатических

* – символ направления оценки эффективности (ресурс, процесс, результат);
 ** – символ составляющей оценки эффективности

Рис. 1. Схема расчета агрегированных показателей

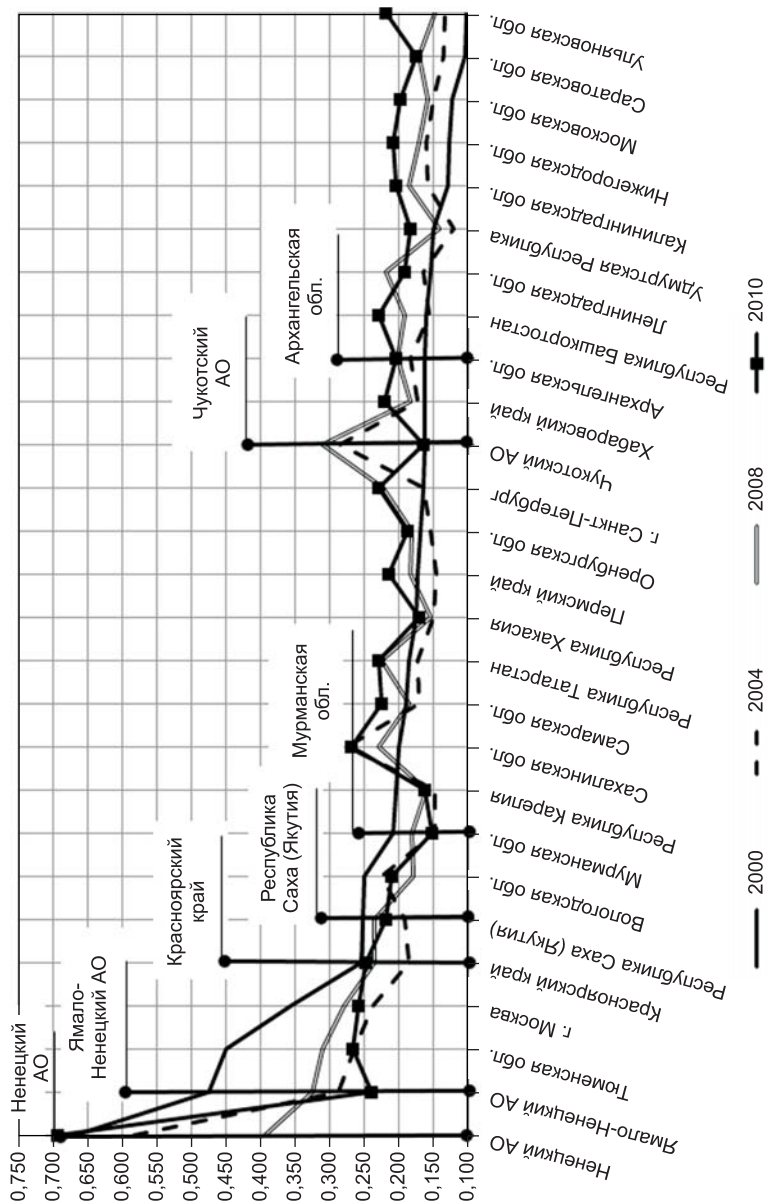

Рис. 2. Динамика экономической составляющей региональной эффективности в 2000–2010 гг.

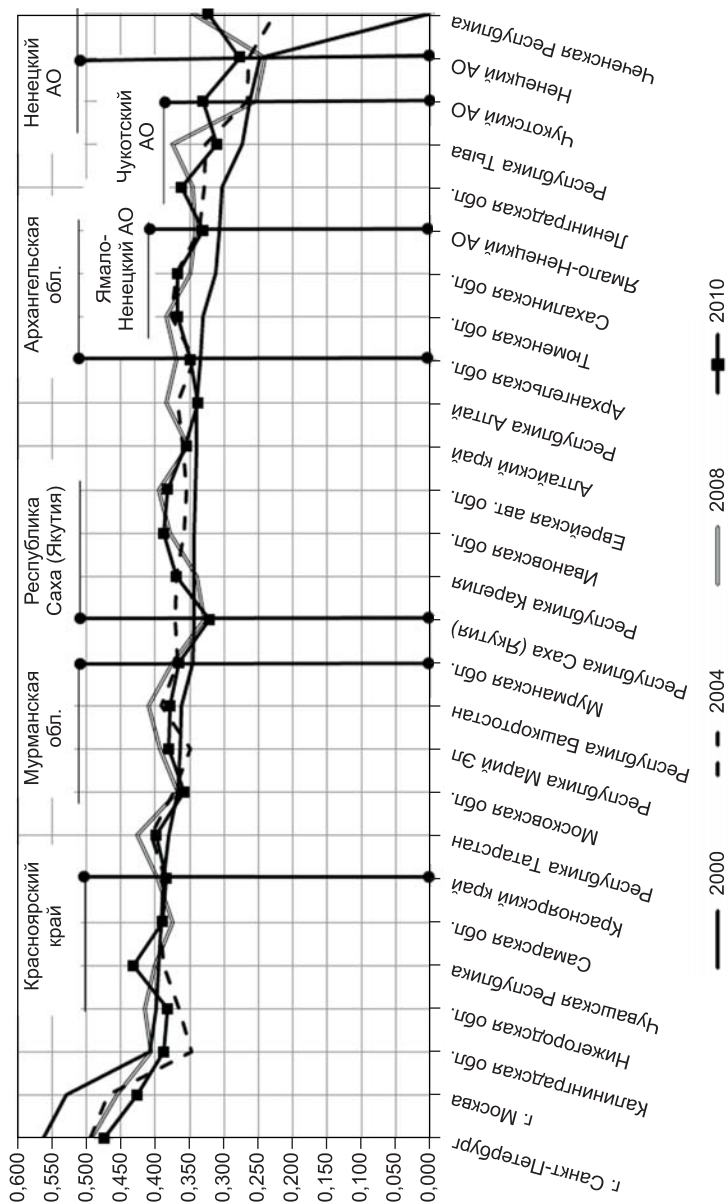

Рис. 3. Динамика социальной составляющей региональной эффективности в 2000–2010 гг.

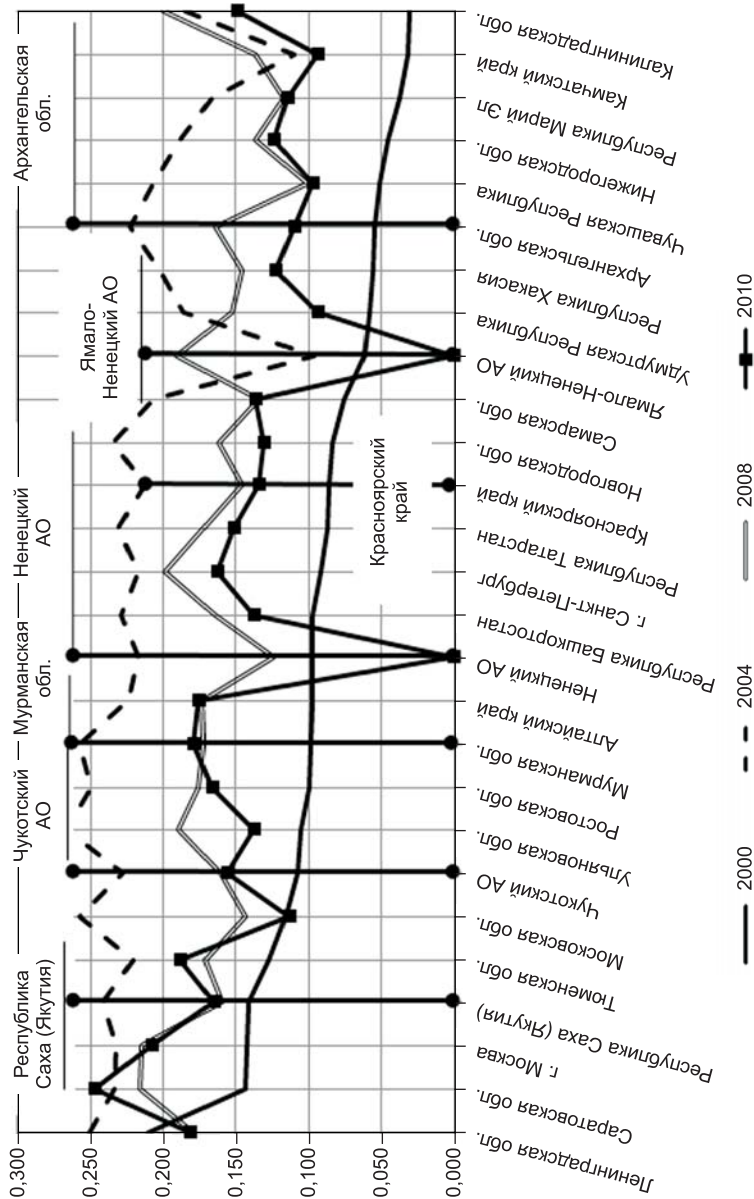

Рис. 4. Динамика экологической составляющей региональной эффективности в 2000–2010 гг.

условий жизни и труда, не способствуют сохранению в северных регионах квалифицированных трудовых ресурсов.

Изменения, происходящие в составе групп регионов с высокими и низкими значениями эффективности, различны для разных составляющих региональной эффективности. Так, следует отметить относительную устойчивость состава группы регионов, лучших по значениям экономической составляющей региональной эффективности: шесть из 10 регионов остались в первой десятке и в 2010 г. Три арктических региона – лидера по эффективности экономической составляющей в рассматриваемом периоде сохранили свои позиции, – это Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Красноярский край. Мурманская область в 2010 г. из группы лидеров переместилась на одно из последних мест в региональном рейтинге. Такая ситуация во многом определяется высоким уровнем подушевого ВРП первых трех из названных территорий, стабильно превышающим среднероссийский уровень и позволяющим им занимать верхние позиции в общенациональном рейтинге. Как правило, на первом и втором местах – Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, ВРП которых в 2010 г. на 78,6 и 48,2% соответственно был сформирован за счет добычи полезных ископаемых. Разрыв между уровнями среднедушевого ВРП этих регионов со средним по России значением за 2000–2010 гг. изменился неодинаково. В Ненецком АО он вырос с 7,36 до 12,95 раза, в Ямало-Ненецком – незначительно уменьшился: с 5,95 до 5,64 раза. На последнем месте по уровню душевого ВРП – Архангельская область с превышением среднего по России значения всего в 1,13 и 1,1 раза соответственно в 2000 и 2010 гг. Однако высокие значения удельного ВРП не всегда справедливы, в особенности для ресурсоориентированных территорий со сверхвысокой долей добывающей промышленности и низкой численностью населения, и требуют серьезной корректировки как по величине инфляции, так и по паритету покупательной способности.

В этой связи нельзя утверждать, что высокие удельные значения ВРП арктических регионов обеспечивают адекватный уровень и качество жизни населения, состояние окружающей среды. Наблюдавшееся за 2000–2010 гг. улучшение ситуации по ряду показателей, ха-

рактизирующих развитие социальной сферы (увеличение с превышением среднероссийских значений таких показателей, как коэффициенты рождаемости, естественного прироста, ожидаемой продолжительности жизни, снижение уровня преступности, безработицы и др.), безусловно, способствует росту уровня и качества жизни населения, качества человеческого капитала, хотя и в недостаточной степени обеспечивает возможности простого воспроизводства (большинство показателей ниже уровня предельно критических значений). Тем не менее по параметрам социальной составляющей региональной эффективности для группы арктических регионов зафиксировано наличие негативного тренда, что подтверждает выводы предыдущих исследований о несоответствии уровня и качества жизни населения арктических регионов высоким значениям душевого ВРП. Имея высокий уровень экономической эффективности, ни один из арктических регионов не вошел в группу лидеров по размеру социальной составляющей региональной эффективности ни в 2000, ни в 2010 г. Напротив, если в 2000 г. в числе регионов-аутсайдеров находились Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа, то в конце периода эту группу пополнила Республика Саха (Якутия).

В группу регионов – лидеров по сводным параметрам социальной эффективности и в 2000, и в 2010 г. вошли Москва, Санкт-Петербург, Республика Северная Осетия – Алания, Волгоградская область и Ставропольский край. Одинаково высокие значения как экономической, так и социальной эффективности зафиксированы лишь у Москвы, что свидетельствует о сбалансированном развитии мегаполиса.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении сферы экологии. В 2000 г. регионы арктической группы не вошли ни в состав регионов-лидеров, ни в состав регионов-аутсайдеров. В 2010 г. положение изменилось: Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа заняли последние места в линейке российских регионов по сводному показателю эффективности экологической сферы.

Агрегирование обобщенных оценок по трем составляющим в комплексный показатель региональной эффективности позволило получить однозначную оценку сложившейся ситуации (рис. 5). В десятку регионов-лидеров, характеризующихся лучшими показателями региональной эффективности и в 2000, и в 2010 г. (0,214–0,411 в 2000 г.

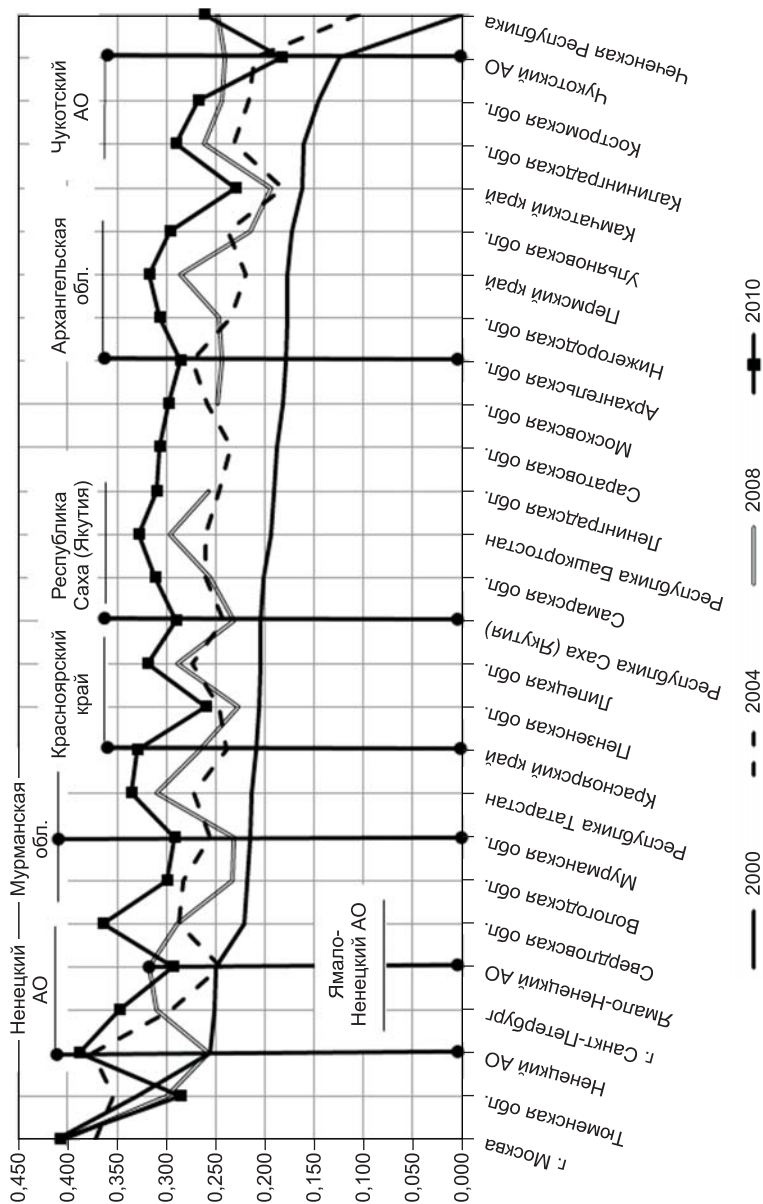

Рис. 5. Динамика комплексного показателя региональной эффективности в 2000–2010 гг.

и 0,328–0,408 в 2010 г.), входили Москва, Ненецкий автономный округ, Санкт-Петербург, Свердловская, Челябинская области и Республика Татарстан. В 2010 г. в число лидеров переместился Красноярский край. В десятку регионов-аутсайдеров и в начале, и в конце периода с параметрами эффективности 0,102–0,137 в 2000 г. и 0,184–0,259 в 2010 г. входили Ивановская область, Республика Алтай, Республика Ингушетия и Республика Тыва. Чукотский автономный округ – единственный из числа арктических регионов в этой группе.

Таким образом, высокая концентрация на территориях регионов Севера и Арктики богатейших запасов востребованных на мировом рынке природных ресурсов, а также эффективное экономическое развитие не обеспечили адекватного развития систем жизнеобеспечения этих регионов. Тем самым зафиксировалась сложная ситуация, в которой оказались арктические регионы с началом рыночных трансформаций, связанная с их периферийным положением, сокращением поддержки из федерального бюджета, высокой зависимостью от конъюнктуры мировых цен на природные ресурсы и т.д.

Сравнительный анализ полученных оценок свидетельствует о снижении в исследуемом периоде пространственной неоднородности региональной эффективности как в разрезе отдельных составляющих, так и в отношении региональной системы в целом, что подтверждается уменьшением коэффициента вариации, характеризующего «размер разброса» территориальных показателей относительно среднего по России значения (см. таблицу).

Сокращение пространственной дифференциации за 2000–2010 гг. означает сближение регионов по уровню их развития, сопровождающе-

Коэффициенты вариации показателей региональной эффективности, %

Год	Экономическая сфера	Социальная сфера	Сфера экологии	Региональная система
2000	64,66	12,67	42,15	24,34
2004	38,48	9,91	18,88	16,45
2008	25,86	9,75	20,51	12,37
2010	31,00	8,28	29,13	11,13

еся, впрочем, падением значений ряда исходных показателей эффективности (по капиталоотдаче, по численности незаболевших к инвестициям в основной капитал здравоохранения, к расходам консолидированного бюджета региона, по выпуску специалистов средними специальными учреждениями и вузами к расходам на образование и т.д.).

Оценка параметров региональной эффективности на примере арктических регионов подтверждает вывод исследователей о временном характере конкурентных преимуществ, предоставляемых факторами «первой природы» [16] регионам с сырьевой специализацией, на территории которых располагаются источники востребованных на мировых рынках природных ресурсов. Эффективность использования этих факторов снижается при переходе на постиндустриальный этап развития: регионы российской Арктики, являясь, по сути, резервной ресурсной зоной мирового масштаба и сосредоточивая на своей территории факторы «первой природы», не обеспечивают адекватного развития своей социальной сферы.

В этих условиях система социально-экономических приоритетов должна формироваться с учетом императивов концептуальной основы территориального развития – устойчивого развития, транспонируя основное внимание на развитие факторов «второй природы», а именно, человеческого потенциала, а также сфер, обеспечивающих его активную капитализацию, в первую очередь образования и здравоохранения. По словам академика Д.С. Львова, «идея “сбережения народа” может стать животворной только в том случае, если она будет направлять пространственную (регионально-дифференцированную) стратегию демо-социально-экономического развития страны» [1].

Литература

1. **Львов Д.С.** Россия: рамки реальности и контуры будущего. – URL: <http://www.zagorsk.ru/new/351> (дата обращения 13.10.2012).
2. **Гранберг А.Г.** Социально-экономическое пространство России: трансформационные тенденции и перспективы. – М.: Гос. ун-т управления, 2004. – 35 с.
3. **Кулешов В.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суспицын С.А.** Сибирская школа региональных исследований в Программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации:

междисциплинарный синтез» // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2 (74). – С. 3–23.

4. **Минакир П.А.** Системные трансформации в экономике. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 415 с.

5. **Романова О.** Оптимизация поведения предприятия в современных условиях // Проблемы теории и практики управления. – 2002. – № 3. – С. 116–120.

6. **Суспицын С.А.** Сценарный анализ потенциальных пространственных трансформаций экономики России: методологические подходы и эмпирические оценки // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 4. – С. 161–171.

7. **Суспицын С.А.** Анализ динамики пространственной структуры экономики России на основе генетического подхода // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 2. – С. 80–99.

8. **Суспицын С.А.** Прогнозы и оценки пространственных трансформаций экономики на основе комплекса иерархических расчетов развития многорегиональной системы РФ // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 3–22.

9. **Указ** Президента Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 27. – Ст. 3256.

10. **Даренских Ю.А., Кологова Н.С., Храмова Л.Б., Зими́на М.В.** Факторный анализ экономической эффективности общественного производства региона // Вопросы статистики. – 2005. – № 12. – С. 11–19.

11. **Кибалов Е.Б., Кин А.А., Хуторецкий А.Б.** Оценка эффективности крупномасштабных транспортных проектов // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2 (74). – С. 161–187.

12. **Клейнер Г.** Эффективность мезоэкономических систем переходного периода // Проблемы теории и практики управления. – 2002. – № 6. – С. 35–40.

13. **Государственная** экономическая политика и Экономическая доктрина России: к умной и нравственной экономике / Якунин В.И., Макаров В.Л., Сулакшин С.С. и др. – М.: Научный эксперт, 2008. – Т. 1. – 840 с.

14. **Кириллова С.А.** Эффективность услуг по управлению регионом как фактор экономического роста // Качество экономического роста: теория и практика оценки и управления. – М.: Экономика, 2007. – С. 118–126.

15. **Гайнанов Д.А., Кантор О.Г., Казаков В.В.** Оценка уровня социально-экономического развития территориальных систем на основе метрического анализа // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 138–144.

16. **Fujita M., Krugman P.** The new economic geography: past, present and the future // Papers in Regional Science. – Wiley-Blackwell, 2004. – V. 83. – P. 139–164.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 14.01.2013 г.

© Кириллова С.А., Кантор О.Г., 2013